

РАЗДЕЛ I.

К 130-ЛЕТИЮ С. Л. РУБИНШТЕЙНА

УДК 159.9.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-6-15

СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА. ЧАСТЬ II

Абульханова К. А., Славская А. Н.

Институт психологии российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Показать, что понятия времени и пространства являются категориями, доказывающими универсальность и правомерность рубинштейновского онтологического подхода.

Процедура и методы. Во второй части исследования представлена архитектура философско-антропологической онтологической парадигмы Рубинштейна. В работе используются исторический, компаративистский, аксиологический и телеологический, а также комплексный и системный подходы к анализу феномена сознания.

Результаты. Выявлена функциональная роль принципиальных и конкретных возможностей сознания, сделан вывод о его пространственно-временной функции как особого способа существования Человека в Мире.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования являются попыткой переосмысления концепции сознания С. Л. Рубинштейна на новом этапе развития отечественного философского знания о Человеке.

Ключевые слова: сознание, С. Л. Рубинштейн, пространство, время, личность, Человек, Мир

Благодарности. Статья посвящена 130-летию юбилею Сергея Леонидовича Рубинштейна, выдающегося философа и психолога, заложившего теоретические основы отечественной психологической науки.

CONSCIOUSNESS OF PERSONALITY AS A PROBLEM. PART II

K. Abulkhanova, A. Slavskaja

Institute of Psychology of Russian Academy of Science

13-1, Jaroslavskaya ul., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims at proving that the concepts of time and space are categories supporting universality and legality of Rubinstein's ontological approach.

Methodology. The article is the second part of the research presenting the architectonics of Rubinstein's philosophical and anthropological ontological paradigm. In the research historical, comparative, axiological and teleological, as well as complex and systemic approaches to the analysis of the phenomenon of consciousness were used.

Results. The outcome of the second part of the study is the identification of the functional role of the fundamental and specific capabilities of consciousness, a conclusion is made about its spatiotemporal function as a special way of human existence in the World.

© CC BY Абульханова К. А., Славская А. Н., 2020.

Research implications. The results of the study demonstrate an attempt to rethink Rubinstein's concept of consciousness at a new stage of the development of the Russian philosophical studies of personality.

Keywords: consciousness, S. L. Rubinstein, space, time, personality, Man, World

Acknowledgments. The article is devoted to the 130th anniversary of Sergey Rubinstein – the outstanding philosopher and psychologist who laid the theoretical foundation of Russian scientific psychology.

Введение

В отличие от упомянутых в первой части исследования [6] различных способов определения сознания, каждый из которых превращал его в итоге в основное объяснительное понятие, русский психолог и философ С. Л. Рубинштейн шёл путём создания онтологической концепции, одновременно решая две задачи: критически преодолевая *различные* способы превращения сознания (именно сознания) в ведущую философскую категорию, но не противопоставляя свою интерпретацию сознания, а подразумевая онтологическую философскую парадигму предельной абстрактности, которая интегрировала ряд составляющих сущность бытия способов существования, и в их числе – сознание человека, получившее в этом качестве новое объяснение. Пока Рубинштейн не преодолел идущей ещё от Платона к Гегелю¹ абсолютизации сознания как первичного, исключаящего существование сущего, бытие, он не мог дать свою характеристику сущности сознания как сознания человека, как Человека, занимающего центральное место в Мире, и, соответственно, сознания как обеспечивающего составляющие отношения и взаимоотношения Мира, т. е. не развернул всю архитектуру своей онтологической парадигмы.

«Человек и мир» начинается не с изложения новой философской онтологической парадигмы и нового определения сознания, а с критического преодоления *различных* способов его абсолютизации, причём философ не противопоставляет той или иной интерпретации сознания своё определение, а скорее раскрывает новую философскую систему как содержащую *возможность иного способа познания*

сознания. Не воспроизводя весь этот путь критического преодоления различных концепций сознания (занимающий фактически половину тома «Человека и мира» и поступательного воссоздания (эксплицитного и имплицитного) новой онтологической философской парадигмы, мы в первой части исследования [6] опирались преимущественно не на онтологическую концепцию С. Л. Рубинштейна в целом, а рассматривали сознание как категорию Человека, не являющуюся предельной репрезентацией его концепции в целом. Путь воспроизводства всей парадигмы учёного в его критическом и позитивном новом качестве был бы избыточно долгим. Поэтому предположим, что можно выбрать из представленных Рубинштейном в качестве совокупности категорий именно те, которые релевантны проблеме определения сознания. «Сознание – онтологическая характеристика человека, человеческого бытия, сознание человека, которое предполагает или обозначает, что человек отделяет себя от окружающего (от природы, от мира и связывает, соотносит себя с ними, – характеристика человека, из которой вытекают важнейшие особенности человеческого бытия»².

Гипотетически успешность выбора адекватных категорий поможет достичь более всестороннего (и одновременно ёмкого) определения сознания, учитывающего его связи с другими качествами человека – познанием, деятельностью, взаимоотношениями личности с обществом, с другим человеком, отношением к жизни, происходящей в Мире, и т. д. [20]. Предположим, что доказательство *онтологичности* сознания предваряется доказательством бы-

¹ Гегель Г. Ф. В. Лекции по эстетике. Книга Первая. Т. XII. М.: Полиграфкнига, 1938. 494 с.

² Рубинштейн С. Л. Дневники // Частный архив Абульхановой К. А.

тийной сущности человека, а последняя обосновывается его местом в Мире как его эпицентром. Однако чем обосновывается универсальность философской концепции С. Л. Рубинштейна как онтологической? Что объединяет составляющие отечественной философской концепции «Природа, Общество, Мышление», преодолевая их обособленность? Являясь наиболее общими, они не могут воплощать существенное для всего бытия.

Парадигма Рубинштейна как онтологическая концепция: Пространство и Время

С. Л. Рубинштейн, создавая архитектонику своей онтологии, обращается (и не один раз) к физико-математическим как уже доказанным категориям точных наук. «Так, понятия движения, материи, силы или энергии общи самым различным областям естествознания, – отмечает В. Вундт, – физика, химия, физиология – все эти науки имеют дело с этими принципами...»¹.

С. Рубинштейн в качестве категорий, существенных для определения бытия человека, выбирает категории *времени и пространства*². Время, как известно, характеризуется однонаправленностью, движением, диалектикой прерывности / непрерывности [21], предполагает нелинейность становления, стабильность *развития* и... *завершение*, окончание (смерть, или завершение, по выражению философа) как достижение целостности (по страшной иронии судьбы эта характеристика оказалась реально применимой к жизни пожертвовавшего ей философа Н. Н. Трубникова – ради доказательства применимости времени к человеку)³.

Время, как известно, имеет однонаправленную линейную детерминацию, последовательность – одно в силу и по причине другого – предыдущего, а также иерархи-

ческую характеристику, раскрывающую всё более высокие уровни *развития* [10].

Пространство обычно определяется как масштабность некоего статичного качества бытия – его размерность как «дискретность вещиности» и как «устойчивость некой качественной определенности»⁴.

До сих пор в отечественной философии время и пространство рассматривались не как более общие, а напротив – как более конкретные «параметры» *материи* [9] (если не считать её наивного определения как того, что существовало *до человека*) и *природы*. Однако согласно вышеупомянутой отечественной философской триаде («природа, общество, мышление») материя не охватывает её составляющих и не входит в качестве одной из составляющих, оставаясь «в ведении» более общего наименования философии в целом – «диалектический материализм», а природа оказывается лишь *частью* материи... Мы предполагаем, что онтологичность сущего «опирается» на реальность времени и пространства.

Хотя в разделе советской отечественной философии, именуемой «философские проблемы естествознания», возможно объединение времени и пространства (геобиохимия В. И. Вернадского, хронотоп А. А. Ухтомского), оно не имеет места в понятии материи, также как природа не может рассматриваться только как *часть* материи (С. Л. Рубинштейн) [13].

Диалектика *сущего* как *единства различных способов существования* определяется Рубинштейном как «путь к тому, чтобы оставаться внутри сущего, в нём раскрывать устойчивое, постоянное и объяснить изменения, движение»⁵. Не является ли эта формулировка почти прямым доказательством онтологичности всего сущего через онтологию времени-пространства?

Таким образом, понятия времени и пространства являются категориями, *доказывающими* универсальность и право-

¹ Вундт В. Введение в философию. СПб., 1903. С. 13.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 21,33,40, 62.

³ Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М.: Наука. 1987. 255 с.

⁴ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 19–29.

⁵ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 35.

мерность рубинштейновского онтологического подхода [7]. Они включают и марксово становление природы человеком. В свою очередь, они позволяют «снять» ленинское определение материи как возникшей и существовавшей до возникновения человека, употребив для характеристики эволюции мироздания безличное понятие (скорее термин) «*происходящее*», но не противоречащее возникновению человечества осуществляющего.

Парадигма Рубинштейна как онтологическая концепция: Человек в Мире

С. Л. Рубинштейн снимает это противопоставление на основе принципа, разработанного ещё в «Бытии и сознании»¹, согласно которому с возникновением более высокого уровня бытия нижележащие уровни качественно изменяются, совершенствуются [4]. Он формулирует это преобразование в труде «Человек и мир» в образной форме – «человек опускается в природу». Парадигма Человека в Мире, в отличие от характеристики бытия в безличном способе существования как *происходящего*, может быть условно конкретизирована термином *осуществления* [19].

Природа с возникновением человечества остаётся и в качестве происходящего, и в новом качестве *осуществляемого* Человеком, Человечеством, *преобразующим* её в «Мир». И вопрос его преобразующей действительности деятельности позволяет поставить проблему человечества как *обществ*, характеризующихся *разным способом отношений между людьми* в осуществляемой ими деятельности. *Различие* этих способов существования (сообществ) выступает в траектории *времени* истории как *развития* человечества [16].

И тогда-то сознание человечества можно определить как регулятор деятельности людей, но и как способ «построения» отношений между ними. Здесь сознание философски связано не с *одним* субъектом, но

с отношениями между субъектами [8]. И тогда под это определение «подпадают» не только пресловутые *общественные* отношения (как отношения в социуме того или иного типа), но и отношения *нравственные*, которые не только в советской философии, но и в советской действительности были оторваны, друг другу противоречили, где детерминировали социальные отношения в тоталитарном государстве.

Одновременно снимается оппозиция субъекта и объекта в гносеологии [11], хотя познание не строго соотнесено с сознанием.

Но эта оппозиция фактически была присуща и марксовской концепции отчуждения и присвоения, хотя он имел в виду не гносеологическое противоположение субъекта и объекта, а тип отчуждённых отношений людей в деятельности, труде, предполагающий в качестве их преодоления революцию.

Таким образом, субъект-объектная оппозиция, существующая и в гносеологии, и в социальной философии, снимается горизонтальным расположением при определении отношений людей в Мире, открывающим возможность – перспективу – приобретения социальными отношениями нравственного характера и философского определения соотношения познания и сознания. Для её реализации должна быть решена не только проблема отношений «Человек в Мире», но и отношений людей в последнем.

Ставя человека в эпицентр всего сущего, С. Л. Рубинштейн вводит редко (или в другом контексте) употребляемую категорию Мира, которой охватывается всё созданное осуществлённое и *происходящее* (природа, Вселенная) сущее [5]. «Таким образом, в составе бытия человек как сущее, *осознающее* всё сущее и изменяющее его, не выносятся за пределы бытия, он сам – сущее, включённое в состав сущего»². И добавляет: «сознание – не меньшая реальность, чем материя»³.

¹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Спб.: Питер, 2017. 288 с.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 19.

³ Там же: С. 37.

Теоретические исследования школы русского философа опирались на этот тезис, определяя сознание как *способность* человека (в первой части данного исследования мы рассматривали его и как интерпретатора *потребностей человека* в определении возможностей их реализации деятельностью) [18].

Восстановив, но в ином направлении, рубинштейновский путь познания сознания, можно сделать вывод, что его онтологичность (реальность) доказывается универсальной *онтологичностью* времени и пространства сущего в целом.

Парадигма Рубинштейна: функциональная и нравственная роль сознания

Теперь можно двигаться в направлении выявления его *функциональной* роли принципиальных и конкретных возможностей. По-видимому, сознание, исходя из первоначальной гипотезы, имеет *временную* и *пространственную* функции. Так, в истории развития человечества его этапам соответствуют типы культуры: оно способствует самореализации личности во времени и пространстве жизненного пути¹ (не только возрастных этапов). Меняется пролонгированность осознания жизненных ценностей: одни моменты в одно время осознаются как существенные, другие – в другое, одни осознаются в позитивном, другие – в негативном качестве в разное время жизни. Некоторые обобщаются сознанием как ценности самой жизни, как жизненное мировоззрение. Наконец, личностью осознаются фундаментальные противоречия позитивных и негативных «ценностей»², что и становится жизненной проблемой её сознания, её духа [14]. Личность осознаёт и оценивает как фундаментальное противоречие её ценностей требованиям и идеологии общества, типам общества, ценностным обобщениям данной личности [1]. Третьи «открывают ей

глаза» на происходящее в обществе и т. д. Сознание становится лоцманом жизни личности, её глазами и умом, определителем роли обстоятельств, направленности поступков и т. д. [3].

Пространственная характеристика сознания, исходя из вышесказанного, связана с *горизонтальным* определением расположения отношений людей в пространстве общественного Мира, а противоречивость / гармоничность их нравственной сущности зависит от типа социума, складывающегося в обществе на данном *сознанию* этапе его развития. Гуманности связи людей в социуме препятствует / способствует тип *вертикальных* отношений (государственной власти и остальной – основной части общества – народа) [15]. Если гуманизм присущ власти (считается, что это – демократическое общество, но сегодня это не так), власти должна быть присуща социальная гуманность законодательства и его исполнения, то отношения людей приобретают и нравственный характер. *Законодательство*, ставящее в центр защиту и обеспечение прав человека, должно отвечать критерию определённости, качественной устойчивости, т. е. *пространственной* определённости. Но в единстве с этим способом определения сознания необходимо учитывать его движение, изменения, и тогда оно подпадает и под объяснительные возможности категории времени.

Мы оказываемся здесь в некотором несоответствии рубинштейновскому категориальному словарю, поскольку он включает в разряд особенностей пространства категорию «движение» (которую мы относим к временным параметрам), а в разряд времени, наряду с изменением и развитием (как и в нашей гипотезе), входят относящиеся, казалось бы, к организации, притом, закономерной, т. е. к пространственной архитектонике, понятия «свойство», «особенное», «единичное». Однако этот диссонанс объясним не по существу, а различием аспектов рассмотрения проблемы.

¹ Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 336 с.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Ещё во «Введении» Рубинштейн сближает (в отличие от нашей задачи дифференциации) *сознание и деятельность, подчёркивая, что они есть «новые способы существования в самой Вселенной, а не чуждая ей субъективность моего сознания»*¹. Однако очевидно, что определение и сознания, и деятельности как способов существования не исключает возможности раскрытия специфики каждого (в нашем случае – сознания) и не исключает его субъективности при условии преодоления его абсолютизации как оппозиции бытию в целом.

Осознанность Человеком Мира позволяет ему более конструктивно и эффективно осуществлять в нём не только свою деятельность, но и свою жизнь, отношения с людьми, обществом и т. д. [2].

Но сознание (преимущественно в гуманном отношении к другому человеку), в отличие от рационализма *познания*, поскольку последнее стремится к объективности, *истине*, к тому, что *на самом деле есть*, ищет и устанавливает *правду*. Во взаимоотношениях людей «...происходит расхождение, раздвоение между тем, за что вещи и люди выдают себя (чем они кажутся) и тем, что они на самом деле есть»². К этому можно добавить и другие причины такого расхождения – способность / неспособность данного человека проникнуть в существо личности другого в силу *функциональности* взаимоотношений, а также – и это едва ли не главное – действительную субъективность, присущую сознанию как индивидуальности человека [17]. Но эта субъективность может проявляться как в субъективно *позитивном*, так и в субъективно *негативном* отношении к другому человеку, не говоря о восхищении или пренебрежении и т. д. самого высокого уровня; принцип, выражающий утверждение человечности, справедливости, добра в отношении человека, воплощён в гуманизме рубинштейновской парадигмы. Однако

этот гуманизм должен приобрести онтологический / сущностный осуществлённый характер. Это становится реальностью, если гуманизм – как добро, правда, справедливость – становится сутью личностей большинства людей.

Заключение

В определении сознания не только как гуманизма субъективного отношения к другому человеку, но как утверждения его *деятельностного*, сознательного модуса сознание – вопреки распространённому его сближению (или даже отождествлению) с познанием – рассматривается С. Л. Рубинштейном как способность *усиления, укрепления сущности другого человека* любовным, любящим отношением к нему. Здесь явственнее всего утверждается его *онтологическая* сущность (или возможность её осуществления), её созидательная роль. И она, по-видимому, более всего соответствует общему приведённому выше условно-философскому понятию *осуществления* во времени и пространстве. Можно возразить, что эта поддержка сущности другого человека осуществляется не посредством сознания, а чувствами личности. Но именно признав это выражение, нужно согласиться, что тогда сознание ещё более дифференцируется от *рационализма* познания (не от познания в целом) и выступает в качестве, для которого требуется ещё более адекватное определение, чем *нравственная* модальность. Это не только общепринятая ценностная характеристика сознания. Ценности оказываются не абстракциями, «плавающими» в пространстве сознания, а ценностным самовыражением личности, которое является ценностно-чувственным *влиянием* одного человека на другого, влиянием, которое усиливает или придаёт не узко нравственное, но душевное духовно-ценностное измерение сущности другого человека. Это *усиление*, строго говоря, можно осуществить не только по отношению к сущности, понимаемой как его имманентное «я», но к радостной или подавленной экзистен-

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 63.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 44.

циальности [22], ценностной модальности переживаний *человечности, способа жизни другой личности*. Тем самым усиливается *ценность времени* её жизни. Однако, на наш взгляд, *усиление* гуманной сущности личности наиболее эффективно, если оно осуществляется *общественными* оценками, ободрением, её общественным признанием.

Первоначально эта роль раскрывается С. Л. Рубинштейном у данного человека, его «Я» в качестве *причины самого себя*. «Само существование выступает как акт, процесс, действие (*ср.* осуществление, время – К. А., А. С.); существование выступает как причинность по отношению к самому себе. Действие причины при этом выступает как её действие. Это действие совершается не только вовне (вследствие), но и внутри причины как «инерция», в широком смысле этого слова, как поддержание своего существования (причина как причина самой себя)...» [12, с. 27–28]. Распространение действия этой причины вовне и выступает как любовное отношение к другому (усиливающее, укрепляющее, поддерживающее его существование. «Отношение сознания и осознаваемого человеком материального бытия как объективной реальности – это отношение *внутри сущего*» [12, с. 38].

В определении роли сознания *интегрируются* и его познавательная способность, и любовно-этическое отношение к другому человеку, и иницирующее отношение человека к Миру, бытию, его созидательный, творческий характер. Сознание как *способность* проявляется не в узком смысле любви, но в смысле дара человечности другому человеку. А сама любовь –

признание, восхищение, доверие – также выступает в более сильном не узко природном, а экзистенциальном человеческом статусе, который С. Л. Рубинштейн, со свойственной ему гениальностью выражения мысли в речи, обозначает как «быть более существующим». Здесь – и именно благодаря сознанию – в отношении себя, другого, многих других реализуется мысль, использованная нами в качестве эпиграфа: «жизнь тем более жизнь...», – преодолевающая ограниченность и будничность наших представлений о жизни.

Понятие пространства, как ни покажется абстрактным, проявляющееся в осознании личностью масштабов Вселенной, Космоса, Природы, представляется оправданным применительно к её жизни.

В ней разыгрывается драма – противоречия времени и пространства. Её конечность есть неотвратимость завершения в факте смерти и трагичность незавершённости дел, замыслов, свершений. И только сила сознания как сила духа личности способна противопоставить себя смерти, расширив пространство жизни, осуществляя её в более существующем качестве и живя «тем более жизнью...»¹.

И проявление этой способности сознания простирается за рамки отношения к другому человеку, распространяется и на собственную жизнь личности, и на жизнь с «близкими и дальними». Это – рубинштейновская концепция философии жизни как её этики. В этом контексте возможно употребление понятия личности как *субъекта жизни*.

Статья поступила в редакцию 03.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М., Воронеж, 1999. 224 с.
2. Абульханова К. А. Сознание личности как жизненная способность // Мир психологии. 2018. № 2. С. 30–46.
3. Абульханова К. А. Способности сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. № 2. С. 80–94.
4. Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Спб.: Питер, 2017. С. 6–33.

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 93.

5. Абульханова К. А., Славская А. Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С. Л. Рубинштейна // *Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX века* / под ред. В. А. Лекторского. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1998. С. 328–352.
6. Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть I // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2019. № 4. С. 8–23.
7. Абульханова К. А., Славская А. Н. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна // *Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России второй половины XX века* / под ред. К. А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 23–76.
8. Агапов В. С. Фундаментальные идеи С. Л. Рубинштейна в исследованиях самосознания «Я-концепции» субъекта // *Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна* / под ред. К. А. Абульхановой. М., 2011. С. 234–246.
9. Бахтин М. М. *Время и пространство в романе* // *Вопросы литературы*. 1974. № 3. С. 133–179.
10. Выготский Л. С. *Развитие высших психических функций*. М.: АПН, 1960. 1320 с.
11. Колесниченко Ю. В. *Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи*. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
12. Кольцова В. А. *История психологии. Проблемы методологии*. М., 2008. 511 с.
13. Кольцова В. А. *Историческая психология // Психология: учебник для гуманитарных вузов* / под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2001. 656 с.
14. Леонтьев Д. А. *Возвращение к человеку // Психология с человеческим лицом – гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1995. С. 3–18.
15. Няголова М. Д. *У истоков философского гуманизма С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России второй половины XX века* / под ред. К. А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 244–257.
16. Петренко В. Ф., Супрун А. П. *Сознание и время. Психологический и физиологический аспекты // Мир психологии*. 2019. Т. 94 (2). С. 58–76.
17. Славская А. Н. Особенности и функции интерпретации в жизни личности // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития* / под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М.: ИП РАН, 2017. С. 324–330.
18. *Философия и ценностные формы сознания. Критический анализ буржуазных концепций природы философии* / под ред. Б. Т. Григорьяна. М.: Наука, 1978. 349 с.
19. Abulkhanova K. A. *Le sujet de l'activite ou la theorie de l'activite selon S. L. Rubinstein // Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activite humaine* / Nosulenko V., Rabardel P., ed. Toulouse, Paris, 2007. P. 83–128.
20. *Humaine*. Toulouse / ed. V. Nosulenko, P. Rabardel. Paris: Octares - Maison des Sciences de l'Homme, 2007. P. 83–128.
21. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1979. 446 p.
22. Mead Y. H. *Mind, self and Society from the standpoint of social behaviorist*. Chicago: University Press, 1934. 401 p.

REFERENCES

1. Abulkhanova K. A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti* [Psychology and Individual Consciousness]. Moscow, Voronezh, 1999. 224 p.
2. Abulkhanova K. A. [Individual consciousness as a vital ability]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2018, no. 2, pp. 30–46.
3. Abulkhanova K. A. [The ability of individual consciousness as a subject of life]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2006, no. 2, pp. 80–94.
4. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Foreword]. In: Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and Consciousness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017, pp. 6–33.
5. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Problems of methodology of science and philosophical anthropology in the context of the paradigm of the subject by S. L. Rubinstein]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoi filosofii XX veka. Kn. 2* [Philosophy Does Not End... From the History of Russian Philosophy of the 20th century. Book 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998,

- pp. 328–352.
6. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Consciousness of personality as a problem. Part I]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 4, pp. 8–23.
 7. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [The subject of philosophical anthropology and ontological concept of S. L. Rubinstein]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein. Filosofiya Rossii vtoroi poloviny XX veka* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Philosophy of Russia in the Second Half of the 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 23–76.
 8. Agapov V. S. [Fundamental ideas of S. L. Rubinstein in the study of self-consciousness of the «self-concept» of the subject]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Filosofsko-psikhologicheskoe nasledie S. L. Rubinshteina* [Philosophical and Psychological Heritage of S. L. Rubinstein]. Moscow, 2011, pp. 234–246.
 9. Bakhtin M. M. [Time and Space in the Novel]. In: *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 1974, no. 3, pp. 133–179.
 10. Vygotsky L. S. *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii* [Development of Higher Mental Functions]. Moscow, APN Publ., 1960. 1320 p.
 11. Kolesnichenko Y. V. *Lichnost v russkoi filosofii 1920–1930-kh godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of 1920–1930s: a Biography of Ideas]. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2018. 416 p.
 12. Koltsova V. A. *Istoriya psikhologii. Problemy metodologii* [History of Psychology. Methodological Problems]. Moscow, 2008. 511 p.
 13. Koltsova V. A. [Historical Psychology]. In: Druzhinin V. N. *Psikhologiya* [Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 656 p.
 14. Leontyev D. A. [Return to Human]. In: Leontyev D. A., Shchur V. G., eds. *Psikhologiya s chelovecheskim litsom – gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoy psikhologii* [Psychology with a Human Face – Humanistic Perspective in Post-Soviet Psychology]. Moscow, Smysl Publ., 1995, pp. 3–18.
 15. Nyagolova M. D. [The Origins of S. L. Rubinstein's Philosophical Humanism]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein. Filosofiya Rossii vtoroi poloviny XX veka* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Philosophy of Russia in the Second Half of the 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 244–257.
 16. Petrenko V. F., Suprun A. P. [Consciousness and time. Psychological and physiological aspects]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2019, vol. 94 (2), pp. 58–76.
 17. Slavskaya A. N. [Features and functions of interpretation in the life of a person]. In: Zhuravlev A. L., Koltsova V. A., eds. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii. Rezultaty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and Applied Research in Modern Psychology. Results and Development Prospects]. Moscow, IP RAN Publ., 2017, pp. 324–330.
 18. Grigoryan B. T., ed. *Filosofiya i tselestnyye formy soznaniya. Kriticheskiy analiz burzhuaznykh kontseptsii prirody filosofii* [Philosophy and value forms of consciousness. Critical analysis of bourgeois concepts of the nature of philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 349 p.
 19. Abulkhanova K. A. Le sujet de l'activite ou la theorie de l'activite selon S. L. Rubinstein. In: Nosulenko V., Rabardel P., ed. *Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activite humaine*. Toulouse, Paris, 2007, pp. 83–128.
 20. Nosulenko V., Rabardel P., eds. *Humaine*. Toulouse. Paris: Octares – Maison des Sciences de l'Homme, 2007, pp. 83–128.
 21. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1979. 446 p.
 22. Mead Y. H. *Mind, self and Society from the standpoint of social behaviorist*. Chicago: University Press, 1934. 401 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абульханова Ксения Александровна – доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института психологии российской академии наук;

e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Славская Александра Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии Российской Академии Наук;

e-mail: dirpsy@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya A. Abulkhanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician, Russian Academy of Education, Chief Researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences;

e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Alexandra N. Slavskaya – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences;

e-mail: dirpsy@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть II // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 6–15.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-6-15

FOR CITATION

Abulkhanova K. A., Slavskaja A. N. Consciousness of Personality as a Problem. Part II. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp 6–15.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-6-15